

Протопопов Михаил Алексеевич

**В.г Белинский, его жизнь и
литературная деятельность:
Биографический очерк М.А.
Протопопова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Алексеевич П.**
В.г Белинский, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк М.А.
Протопопова / Протопопов Михаил Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 82 с.

ISBN 978-5-519-79707-8

ISBN 978-5-519-79707-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Введеніе.	5
II. Дѣтство Бѣлинскаго	13
III. Бѣлинскій въ гимназій	21
IV. Бѣлинскій въ университетѣ.	28
V. Начало литературной дѣятельности Бѣлинскаго	37
VI. Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Москвѣ	48
VII. Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Петербургѣ.	60
VIII. Заключеніе	68

ИСТОЧНИКИ:

- 1) «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». *А. Н. Пытina*.
Два тома.
 - 2) «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». *И. И. Панаева*.
 - 3) «Катковъ и его время». *С. Невѣдннскаго*.
 - 4) «Записки К. А. Полевого».
 - 5) «В. Г. Бѣлинскій». Біографическій очеркъ *Свѣжскаго*.
 - 6) «Бѣлинскій, какъ педагогъ». *О. Миллера*.
 - 7) «Бѣлинскій, какъ моралистъ». Часть I, и мн. др.
-

I.

Введение.

«Чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ больше начинаешь любить собакъ». Не нужно быть завзятымъ пессимистомъ, чтобы усмотрѣть въ этомъ горько-шутливомъ изреченіи значительную долю правды. Поэтъ былъ, разумѣется, не правъ, когда говорилъ, что «кто жилъ и мыслилъ—тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей». Но съ другой стороны несомнѣнно, что и теперь, и прежде «жить» значитъ разочаровываться, а «мыслить» значитъ все яснѣе и яснѣе сознавать страшную многосложность жизни и, какъ результатъ этой многосложности, убійственную медлительность и затруднительность нашего развитія.

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій, которое можетъ постичь человѣка,—это разочарованіе въ нравственныхъ свойствахъ тѣхъ людей, которыхъ онъ привыкъ уважать и любить за ихъ умственные качества. «Можно быть честнымъ дѣятелемъ, не будучи честнымъ человѣкомъ», — этотъ софизмъ можно доказывать самыми разнообразными аргументами (какъ это и бывало между прочимъ въ нашей журналистикѣ), но онъ навсегда останется только софизмомъ, т. е. ловкой фальсификаціей истины, дешевой ея имитаціей. Противъ него протестуетъ наше непосредственное нравственное чувство. Нѣтъ, кто не живетъ такъ, какъ самъ учитъ жить, для кого *слыть* важнѣе, чѣмъ *быть*, у кого слово расходится съ дѣломъ — тотъ не можетъ быть настоящимъ крупнымъ дѣятелемъ уже по одному тому, что его личность и его жизнь являются аргументомъ противъ

его идей, противъ силы и жизненности его ученія. «Учителю, очистися самъ»—это элементарное соображеніе тысячи лѣтъ существуетъ и еще тысячи лѣтъ просуществуетъ, ни на волосъ не утративши своей силы, потому что оно въ одно и то же время продуктъ и простого здраваго смысла, и естественнаго человѣческаго инстинкта. Каждое ученіе, имѣющее хотя бы только посредственное и отдаленное отношеніе къ нашему нравственному міру, непременно ставитъ тотъ или другой *идеаль*, а всякій идеаль влечетъ за собою *обязанности*, между которыми простѣйшей, первѣйшей и очевиднѣйшей является обязанность служить этому идеалу.

Сферы человѣческой дѣятельности въ высшей степени разнообразны, и конечно между ними нетрудно указать такіа, къ которымъ было бы напрасно прилагать нравственные критеріи. Какое намъ дѣло напр. до человѣческой личности Эдиссона? Что общаго между нравственностью и электрическимъ фонаремъ? Или какимъ образомъ фонографъ можетъ вызвать съ нашей стороны извѣстныя надежды и нравственныя требованія по отношенію къ его изобрѣтателю? Тѣмъ не менѣе почитателямъ Эдиссона конечно было напр. пріятно узнать, что онъ съ негодованіемъ отвергъ просьбу сѣвероамериканскаго правительства—найти удобнѣйшій способъ смертной казни посредствомъ электричества. Законы органической жизни, раскрытые Дарвиномъ, относятся не къ этикѣ, а къ біологіи, и дарвинизмъ, какъ *любая чисто научная теорія*, лишень рѣшительно всякаго субъективнаго нравственнаго элемента, но все таки намъ пріятно было убѣдиться, что личныя нравственныя качества творца этой теоріи вполне соотвѣтствуютъ его высокой умственной силѣ. Называйте какъ хотите это чувство или этотъ инстинктъ,—чувствомъ нравственной симметріи или инстинктомъ нравственной красоты, но фактъ тотъ, что это чувство живетъ въ насъ и только въ силу его насъ печалитъ и отвращаетъ безобразное соединеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ высокихъ достоинствъ ума съ дурными свойствами сердца. Но мы выбирали примѣры, такъ сказать, нейтральныя, безразличныя, такіе, въ которыхъ талантъ или геній человѣка слагался изъ спеціальныхъ, чисто умственныхъ, мозговыхъ способностей и

силъ. Сколько бы мы ни собрали еще примѣровъ той же категоріи—они все таки будутъ представлять собою не болѣе какъ исключеніе, а общее правило состоитъ въ томъ, что духовная дѣятельность человѣка направляется къ воздѣйствію одновременно и на наши идеи, и на наши чувства, на нашъ умъ и на нашу нравственность. Во всѣхъ этихъ безчисленныхъ случаяхъ фарисейскій принципъ: «можно быть честнымъ дѣятелемъ, не будучи честнымъ человѣкомъ», подвергается самому безпощадному разоблаченію и осужденію. Кто повѣритъ рабовладельцу и работоторговцу, декламирующему противъ рабства? Цѣломудріе—вещь прекрасная; но проповѣдь цѣломудрія, исходящая отъ человѣка, всласть «пожившаго», звучитъ ложью и ироніей. «Патріотъ», не находящій достаточно сильныхъ словъ для прославленія прекрасныхъ качествъ своего народа и въ то же время усиленно рекомендующій всякаго рода ежевыя рукавицы по отношенію къ этому самому народу,—не можетъ возбуждать въ насъ ничего, кромѣ негодованія и отвращенія. Человѣкъ, построившій свое благосостояніе ловкой эксплуатаціей чужого труда и въ то-же время возстающій противъ принциповъ капитализма, конечно не привлечетъ къ себѣ умовъ и сердецъ, жаждущихъ справедливости. Проповѣдникъ, указывающій на бренность и ничтожность всѣхъ земныхъ благъ и въ то-же время напрягающій всѣ свои способности для достиженія именно этихъ будто бы презираемыхъ имъ благъ, только самыхъ наивныхъ людей увлечетъ своей проповѣдью. И не въ томъ главная сущность дѣла, что всѣ эти люди и дѣятели, противорѣча своими поступками своимъ словамъ, подрываютъ довѣріе къ своей личности, къ своей искренности и убѣжденности, а въ томъ, что они вредятъ своимъ ученіемъ, роняютъ достоинство тѣхъ идей, которыя они берутся защищать. Истина—сама себѣ цѣль, а они превращаютъ ее въ средство; идея, теорія, доктрина, преисполненная быть можетъ глубочайшаго смысла и огромнаго значенія, являются въ ихъ рукахъ только жалкими ширмами, подъ защитою которыхъ не дѣла дѣлаются, а дѣлишки обдѣлываются. Хороши идеи, если подъ ихъ флагомъ можно провозить какой угодно товаръ! Хороши идеалы, если на практикѣ ихъ назначеніе сводится къ тому, чтобы отводить на-

ивнымъ людямъ глаза! Хороша истина, если ея можно торговать «распивочно и на выносъ»! Вотъ заключенія, къ которымъ рано или поздно приводятъ «честная» дѣятельность какогонибудь фарисея, — заключенія, въ логическомъ смыслѣ совершенно невѣрныя, но въ нравственномъ отношеніи почти неизбежныя и во всякомъ случаѣ вполне естественныя. По adeptамъ судятъ объ ученіи, и разочарованіе въ личности дѣятеля ведетъ къ разочарованію въ его идеѣ. Это конечно не логика разума, но это логика жизни, и въ этой логикѣ есть свой серьезный смыслъ. Да, искренній и безкорыстный обскурантъ менѣе вреденъ нежели просвѣщенный тартюфъ, которому свѣтъ дорогъ не потому, что онъ свѣтъ, а потому, что, по времени и обстоятельствамъ,

съ либеральнаго
Направленія больше барышъ,
Нежели съ мѣста квартальнаго.

Писателямъ болѣе, чѣмъ кому либо, необходимо возможно-полное согласованіе своихъ словъ съ своею жизнью. Для писателя, для человѣка, обладающаго безцѣнной привилегіей обращаться сразу къ тысячамъ и къ десяткамъ тысячъ слушателей, и рискованно, и преступно выступать съ какими бы то ни было иными цѣлями, кромѣ цѣли передать добытыя имъ крупницы истины и добра. Сила писателя въ талантѣ, но сила таланта прежде всего въ искренности. Безъ компромисовъ, безъ досадныхъ и унижительныхъ уступокъ не проживешь на этомъ свѣтѣ; но отсюда еще слишкомъ далеко до лицемерія, до отрицанія на практикѣ того, чему вѣришь и что исповѣдуешь въ теоріи. Почему читатели всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ интересуются даже мелкими и интимными подробностями жизни любимыхъ писателей? Конечно, не въ силу только одного празднаго любопытства, а въ силу сознательнаго или инстинктивнаго желанія въ живомъ примѣрѣ ихъ жизни почерпнуть новое и сильнѣйшее доказательство жизненности и истинности ихъ ученія. И благо тому писателю, который можетъ безбоязненно предстать на этотъ послѣдній судъ, чьи труды были не дѣломъ карьеры, а дѣломъ жизни, чьи произведенія — не красивыя

«слова лукавствія», а выраженіе *убѣжденія*, т. е. не только вѣры, но и знанія—и не только знанія, но и вѣры. Пусть триста лѣтъ посмертной славы можно отдать за хорошее пищевареніе и пусть также «мертвые срама не имутъ». Но если живой будетъ предчувствовать, что его, хотя бы уже и мертвого, непременно постигнетъ «срамъ» изобличенія; если писатель, въ тайникахъ своей совѣсти, будетъ сознавать, что онъ заслуживаетъ не славы, а безславія—то это уже достаточное возмездіе, и наше чувство справедливости можетъ считать себя удовлетвореннымъ.

Какихъ ни вымышлай пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться—
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Судъ общественнаго мнѣнія, такъ-же какъ и судъ исторіи, такъ-же какъ и судъ совѣсти не налагаютъ никакихъ формальныхъ каръ, но они страшнѣе суда уголовнаго для людей, не окончательно утратившихъ всякое нравственное чувство.

Къ своей теперешней задачѣ мы приступаемъ съ совершенно легкимъ сердцемъ. Мы своимъ рассказомъ не убьемъ въ читателѣ ни одного благороднаго вѣрованія; ни горечи, ни разочарованія не испытаетъ онъ, познакомившись съ нравственной личностью нашего знаменитаго критика. Наоборотъ: это одно изъ тѣхъ созерцаній, которыя освѣжаютъ душу и укрѣпляютъ вѣру,—вѣру въ человѣка и его достоинство. Безгрѣшенъ только Богъ, но и между людьми есть праведники, безъ которыхъ земля не стояла бы, и Бѣлинскій былъ однимъ изъ нихъ—это мы заявляемъ съ перваго же шага и безъ малѣйшихъ сомнѣній. Не литературныя симпатіи, не благодарныя и почтительныя чувства ученика къ учителю одушевляютъ насъ,—этого было бы мало,—а именно гордость и радость за человѣческую природу, которая въ лучшихъ своихъ образцахъ представляется намъ почти на высотѣ идеала. Если намъ, какъ Гамлету, можетъ быть временами дѣйствительно «страшно за человѣка», тѣмъ должны быть дороже для насъ тѣ рѣдкіе случаи, когда за человѣка утѣшительно и радостно. Жизнь Бѣлинскаго полна

увлеченій, ошибокъ, заблужденій и иногда даже паденій, но именно о людяхъ этого типа и сказано, что имъ многое простится, потому что они возлюбили много. Не отъ равнодушія къ истинѣ, а наоборотъ отъ слишкомъ страстной и нетерпливой жажды ея происходили эти ошибки. Ни чувствовать, ни мыслить вполнину Бѣлинскій не умѣлъ и не могъ. Его умъ былъ слишкомъ силенъ и дѣятеленъ для того, чтобы ограничиться пассивнымъ воспріятіемъ идей, представлявшихъ ему истинными, безъ попытки самостоятельно развить и расширить эти идеи, а чувство слишкомъ искренно и пламенно, чтобы устрашиться какихъ бы то ни было логическихъ результатовъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша» (по прекрасному выраженію Некрасова), онъ шелъ всегда впередъ, и вотъ почему одинъ невѣрный шагъ въ сторону отъ прямого пути заводилъ его въ глухія трущобы, куда за нимъ никто не осмѣливался слѣдовать. Съ проклятіями своему мнимому «невѣжеству», съ ожесточеніемъ противъ самого себя онъ возвращался изъ этихъ трущобъ мысли, опять и опять принимался за свой трудъ пионера и кончилъ не уныніемъ, не отчаяніемъ, не паденіемъ, а тѣмъ, что овладѣлъ желаннымъ талисманомъ, —

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ.

Такія исканія не напрасны, *такія* заблужденія не суть заблужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, они — тѣ искупительныя жертвоприношенія, которыхъ, по слову поэта, проситъ судьба, потому что «даромъ ничто не дается».

«Что есть истина?» Мы знаемъ глубочайшій отвѣтъ, который послѣдовалъ на этотъ ироническій вопросъ Да, не въ какойнибудь отвлеченной формулѣ выражается истина, а въ живой человѣческой личности, въ ея стремленіи къ добру, въ ея любви къ себѣ подобнымъ, въ ея готовности грѣхи нашего незнанія, нашей ограниченности и нашего равнодушія искупить цѣною собственнаго страданія. Проходятъ эпохи и поколѣнія, мѣняются задачи, лозунги и знамена, падаютъ устарѣвшіе идеалы и выдвигаются новые — но въ этомъ процессѣ смѣны

относительныхъ понятій и временныхъ задачъ есть нѣчто абсолютное и непреходящее. Умираютъ личности, но живетъ человечество; тускнѣютъ и выдыхаются идеи, но блещетъ вѣчнымъ свѣтомъ истина; падаютъ идеалы, но не исчезаетъ стремленіе къ идеальному. Какъ жизнь заключается въ процессъ жизни, такъ истина заключается въ процессъ ея раскрытія. Кто подвигаетъ людей на работу общую, кто своимъ примѣромъ, своею жизнью, своими идеями вызываетъ въ насъ дѣятельность ума и чувства — тотъ и есть достойный служитель истины, хотя бы прогрессирующая жизнь давно оставила за собою когда-то живыя и широкія формы и пути его мысли.

Съ этой высшей и общей точки зрѣнія дѣятельность Бѣлинскаго, со всѣми ея уклоненіями, увлеченіями и переломами, стоитъ внѣ всякаго упрека. Но этого мало. Почти полвѣка прошло со времени смерти незабвеннаго писателя, но основная тема и основной тезисъ его литературно-критической дѣятельности до сихъ поръ сохранилъ свѣжесть самой животрепещущей современности. Фундаментальная идея воззрѣній Бѣлинскаго была формулирована имъ напр. такимъ образомъ: *«никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-маломысленныхъ, не обязываетъ поэта воспѣвать неслепливо гимны добродѣтели и карать сатирою пороки; но каждый умный человекъ вправе требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему ответы на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній»*. Сказано, какъ отрублено. Это основное требованіе критики Бѣлинскаго выражено такъ категорически и формулировано такъ отчетливо, что рѣшительно не допускаетъ какихъ нибудь кривыхъ толкованій. Вся послѣдующая дѣятельность преемниковъ Бѣлинскаго, имена которыхъ и называть не нужно, была не инымъ чѣмъ, какъ развитіемъ этого принципа, въ примѣненіи конечно къ текущимъ литературнымъ явленіямъ. Само собой разумѣется, что значеніе этого принципа отнюдь не эстетическое и даже не чисто литературное, а строго и непосредственно общественное: приглашать поэзію

не чуждаться «вопросовъ времени» значить, въ сущности, призывать къ этому само общество, а это въ свою очередь значить развивать въ немъ сознаніе солидарности, будить въ немъ тотъ духъ общественности, безъ котораго нѣтъ ни прогресса, ни настоящей умственной жизни. Эстетика, какъ метафизика искусства, была для Бѣлинскаго не себѣ самой довлѣющей цѣлью, а довольно хорошимъ, за неимѣніемъ лучшаго, средствомъ

И такъ, вотъ о комъ мы хотимъ рассказать читателю: не о мертвомъ, а о живомъ и даже до сихъ поръ передовомъ человѣкѣ. Жизнь Бѣлинскаго столько же бѣдна внѣшними событіями, сколько богата внутреннимъ содержаніемъ. Руссо сказалъ про себя, что онъ явится на страшный судъ, держа въ рукахъ свои «Confessions». Бѣлинскій можетъ явиться на тотъ судъ, не выбирая между своими произведеніями, ни отъ чего не отрекаясь, ничего не скрывая и не утаивая. Онъ писалъ, какъ думалъ, и жилъ, какъ писалъ. Въ этой полнѣйшей искренности не только его оправданіе, но и его нравственная заслуга, помимо его умственныхъ подвиговъ. Какъ писатель—онъ училъ насъ мыслить; какъ человѣкъ—онъ училъ любить мысль и довѣрять ей. Бѣлинскій былъ натура *альтруистическая*—вотъ краткое резюме всей совокупности его нравственныхъ свойствъ.
